

6. Soloviev V. La Russie et l'Église universelle. Paris: Albert Savine, 1889. 336 p.
7. Strémooukhoff D. Vladimir Soloviev et son œuvre messianique. Lausanne, Suisse: l'Âge d'homme, 1975. 351 p.

МИСТИКА В ЦЕПЯХ РАЗУМА: АВТОМАТИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ ВЛ. СОЛОВЬЕВА

А.П. КОЗЫРЕВ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация: Цель настоящей статьи ввести в оборот ряд не издававшихся ранее автоматических записей Вл. Соловьева, а также осмыслить их место в творческом процессе Вл. Соловьева. Рассматриваются свидетельства современников и ближайших потомков Вл. Соловьева, сталкивавшихся с автоматическими записями – А. Белого, Г.И. Чулкова, С.К. Маковского, С.М. Соловьева-младшего. Ставится вопрос о том была ли философская система Вл. Соловьева прямым следствием его уникального мистического опыта, или же формировалась преимущественно на основе сознательного включения философских и теософских реминисценций из предшествующих систем в архитектуру соловьевской метафизики. Рассматриваются опыт увлечения философа спиритизмом и возможное влияние спиритических увлечений на характер и содержание автоматического письма. Автоматические записи с той или иной степенью интенсивности появляются на протяжении довольно длительного периода его творчества, однако мистическая корреспондентка медиумических сеансов из трансцендентного божественного начала постепенно превращается в реальную земную особу. Рассматриваются возможные параллели мистического опыта Соловьева с юнгианством, а Софии – с архетипами анимы и тени в творчестве К.-Г. Юнга.

Ключевые слова: Вл. Соловьев, мистический опыт, мистика, спиритизм, автоматические записи, автоматизм, нуминозное, метафизика.

В данной статье мы не будем останавливаться подробно на том значении, которое мистика и мистическое познание имели в гносеологии Соловьева. Мы постараемся увидеть, как мистическое реально вторгается в соловьевское творчество и в его жизнь. Поведанное самим Соловьевым в его поэме «Три свидания» разделяют всех, так или иначе обращавшихся к творчеству Соловьева на тех, кто принимает его видения, и на тех, кто видит в них поэтический вымысел или, хуже того, духовный соблазн. «Метафизику Соловьева следует понимать как понятийно-символическое описание его мистического опыта. На самом деле всеединство Соловьева, задуманная как категория цельного знания, встречалась ему в его жизни трижды – как живая женщина, которой можно сказать

“Ты”»¹, – пишет Ф.А. Степун, считавший, что «Соловьев был одним из первых людей, сменивших корни на крылья»². В качестве другой позиции можно привести отповедь в письмах Г.В. Флоровского прот. Сергию Булгакову, готовому поверить не только в действительность соловьевских откровений, то даже в мистическую одаренность его пресловутой корреспондентки Анны Шмидт (впрочем, со «шмидтианством» Булгаков распростился в 1921 году): Флоровский считает, что Соловьев «был не церковным мыслителем, а вольным теософом, «дивинистом», как любил называть себя Сен-Мартен. И религиозная метафизика Соловьева есть не философское исповедание церковного опыта, а умозрительное построение романтической души». «Церковной Софии Соловьев вовсе не знал: он знал Софию по Бёме и бёмистам, по Валентину и Каббале. И эта софиология – еретическая и отреченная»³.

Но, так или иначе, обязаны ли мы с полным доверием относиться к запущенному Соловьевым мифу о «трех свиданиях», обязаны ли верить, что свиданий было только три? Не являлось ли общение с Софией, «мерами вспыхивающее, мерами затухающее», просвечивающее в земных возлюбленных, носящих то же имя, постоянной темой жизни Соловьева? Стоит согласиться с американской исследовательницей Дж. Корнблатт, «видения Соловьёва, если и действительно имели место, в каком бы смысле мы это ни понимали, выросли на почве его уникального внутреннего опыта»⁴.

Мистика как род деятельности занимает в философской системе Соловьева верхнюю строчку в его классификации основных форм человеческого организма, является абсолютной степенью творчества, точно также

¹ Степун Ф.А. Мистическое мировидение. Пять образов русского символизма. Пер. с нем. Г. Снежинской, Е. Крепак, Л. Маркевич. СПб.: Владимир Даль, 2012. С. 62.

² Там же. С. 55.

³ Цит. по.: Козырев А.П. Соловьев и гностики. М.: С.А. Савин, 2007. С. 392. Письма Г.В. Флоровского к прот. Сергию Булгакову опубликованы полностью: Резниченко А.И. «Я не знаю, насколько тверды и самоотверженны миряне парижские...»: пятнадцать писем другу // Софиология и неопатристический синтез: два богословских итога философского развития. Сборник научных статей по итогам работы секции по истории русской мысли XXII Ежегодной богословской конференции ПСТГУ / Сост. К.М. Антонов, Н.А. Ваганова. М.: ПСТГУ, 2013. С. 117–155. Последнее слово в цитате А.И. Резниченко прочитывается как «страшная».

⁴ Kornblatt J.D. Divine Sophia: The Wisdom Writings of Vladimir Solovyev. Cornell University Press, 2009. P. 4.

как теология – абсолютной степени знания, а церковь (духовное общество) – высшим уровнем в сфере практической деятельности. Соловьев поясняет это следующим образом: мистика имеет значение верховного начала жизни общечеловеческого организма, ибо «в мистике эта жизнь находится в непосредственной теснейшей связи с действительностью абсолютного первоначала, с жизнью божественною»⁵. Она «не только сама обладает безусловною ясностью, но и все другое она одна только может сделать ясным, но именно вследствие этого для слабых и невооруженных глаз свет ее невыносим и погружает их в абсолютную темноту»⁶. Чувство, воображение и вдохновение как инструменты мистического постижения реальности сближают мистическое постижение с актом художественного творчества. Поскольку объективным принципом такого познания становится Красота (а не Истина и Благо), то можно сказать, что «телеологические суждения» и «эстетическая идея» Канта тоже, в свою очередь, могли бы стать принципами подобного рода «мистики». Но к мистике в собственно церковном, христианском смысле этого слова Соловьев практически не обращается. Его мало интересует (по крайней мере, в «теософский» период 70-х годов) сакраментальная сторона церковного богослужения, икона. Мистическая составляющая мирового процесса заключается для него «в постепенном одухотворении и воплощении высших существ», в «уничтожении нашего мира в его вещественном распадении и восстановлении его как живого организма богов»⁷.

Есть разные оценки мистических дарований Соловьева. Сдержанно-позитивную оценку соловьевского мистицизма дает его друг Л.М. Лопатин: «он обладал чрезвычайным реализмом мистического сознания. Это был настоящий мистик, непосредственно воспринимавший близость и полную действительность невидимого духовного мира, что нередко выражалось у него в различных аномальных переживаниях. Эта сила мистического чувства давала религиозным вопросам в его глазах исключительно важное и совершенно реальное значение»⁸. Более скеп-

⁵ Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Соловьев В.С. ПССиП. Т. 2. С. 196.

⁶ Там же.

⁷ Соловьев В.С. <Планы и черновики> // Соловьев В.С. ПССиП. Т. 2. С. 169.

⁸ Лопатин Л.М. Памяти Вл. С. Соловьева // Владимир Соловьев: pro et contra. Личность и творчество Владимира Соловьева в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Т. I. Серия «Русский путь». СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 2000. С. 379.

тически воспринимает мистические настроения Соловьева С.К. Маковский:

Мистические переживания его становились все более острыми, с уклоном к таким фантазмам воображения, которые не назовешь иначе как болезненной абстракцией. Образ Софии Премудрости Божией, подробно истолкованный им как соборная душа человечества, стал для него навязчивой идеей. Софийные «видения» молодых лет к нему не возвращались как будто, но мечта о вечной женственности так пронзила его религиозную настроенность, что обернулась постепенно бредовым диалогом с «Подругой вечной». Он писал ей записки, и ответы на них тоже писал в состоянии, подобном трансу. После его смерти в его бумагах осталось много таких записок и ответов⁹.

Датский литературный критик Георг Брандес, тот самый, которому Лев Шестов посвятил свою первую книгу «Шекспир и его критик Брандес», оставил заметки о своих впечатлениях от встречи с Соловьевым в пансионе Рауха близ Иматры в Финляндии в августе-сентябре 1895 года. Отметим из этих воспоминаний то, что относится к репутации Соловьева-мистика:

Он неустанно изучает Сведенборга, Бёме и Экхарта. Долгое время его занимала Каббала, но в итоге он счел ее изучение бесплодным. Был он и спиритистом. Он гордится тем, что изучал таинственные силы, так как это свидетельствует о том, что он лишен предрассудков. Пожалуй, было бы наивным с его стороны долго оставаться под влиянием госпожи Блаватской и ее теософии. Он жил с ней по соседству и был свидетелем ее чудес. Но однажды Соловьев заметил, как она со своего швейного столика схватила письмо, которое якобы поймала в воздухе, он был потрясен до глубины души и с тех пор отвернулся от нее <...> разговор зашел о возможных обитателях звездного неба. Вдруг, Владимир Сергеевич, не моргнув глазом, заявляет, что ему об этом известно и что он будто бы получает оттуда сообщения¹⁰.

⁹ Маковский С.К. Последние годы Владимира Соловьева // Вл. Соловьев: pro et contra. Т. I. С. 542.

¹⁰ Брандес Г. Русские впечатления / Пер. с дат. Т. Чесноковой. М.: О.Г.И., 2002. С. 237–238.

Существование «записок» не было тайной в кругу «соловьевцев» уже сразу после смерти философа, когда его брат Михаил Сергеевич предпринимает первое издание Собрания сочинений (8 т., 9 доп. М.: Общественная польза, 1901–1907). Конечно, и речи идти не могло об их включении, но речь о месте «странных» записей в общем корпусе соловьевского наследия уже идет. Мы узнаем об этом из «Воспоминаний о Блоке» Андрея Белого, которые начинают печататься в берлинской «Эпопее» в 1922 году:

Мы, молодежь соловьевского толка, являлись лишь малою горстью людей, ощущающих зарю новой эры. «Соловьевство» нам было гипотезой оформления, а не догмой. Центр бесед – зимние вечера за чайным столом Соловьевых; здесь тесный кружок (М.С. и О.М. Соловьевы, Сережа, их сын, я и кто-нибудь из родственников) собирался почти ежедневно; велись оживленные споры по поводу последней статьи Мережковского, Розанова в «Мире Искусства»; иль – истолковывались детали той или иной статьи Соловьева; М.С. здесь высказывал планы свои о порядке издания произведений покойного брата; и приносил материал: рукописи, испещренные заметками на полях, особенно занимавшими нас: в них рукою Владимира Соловьева (измененной) набросаны были письма за подписью «S» и «Sophie»; в ряде мест обрывался трактат вставками странного содержания: рукопись сопровождало медиумическое письмо с подписями «S» и «Sophie», появляясь повсюду в черновиках творений Владимира Соловьева; оно имело вид переписки любовной; а мы задавались вопросом: общение Владимира Соловьева с «Sophie» медиумическое ли общение с реальной женщиной или роман: непонятности духовного мира, из высей которого открывалась София философу? Мы потом обращались к поэзии Соловьева, прослеживая зависимость его эротической лирики от догматов теософии и взглядов на смыслы любви; эта странная на полях переписка меж «S» и философом нас смущала, располагая к существенно иным толкованиям сравнительно с толкованиями почтенных профессоров философии. Трансцендентное имманентно лежало в сознании Вл. Соловьева, сознание инспирируя. В истолковании «соловьевства» мы были конечно же «реалисты»; мы видели в лирике Соловьева вещание о перерождении человека и изменении органов восприятия мира. О том же гласил Мережковский, но истолковывал перерождение вовсе не так; а для нас это значило: активное анти-

христианство. А.С. Петровский отчетливо утверждал: времена приближаются; Антихрист рождается в мире, и «*соловьевство*», пожалуй, есть ересь; О.М. Соловьева внимала ему; я и Сережа оспаривали Петровского; а М.С. Соловьев улыбался, склоняясь над чаем. За окнами бушевала метель; и в порывах метели нам чуялись зовы восстания мертвых¹¹.

Подобно Соловьеву «в любимых мы видели отблеск таинственной “S”, посылавшей покойному Соловьеву признанья»¹², – отмечает Андрей Белый.

Опыт автоматических (медиумических) записей Соловьева отсылает нас к различным духовным и художественным практикам. На память приходит автоматическое письмо, как инструмент, используемый в технике стихосложения XX века. Он будет сознательно практиковаться мэтрами сюрреализма, например, французским поэтом Андре Бретоном, но там автоматизм не отсылает нас к внешнему трансцендентному источнику. А. Бретон так описывает свой путь к автоматизму:

В 1919 году мое внимание привлекли фразы, которые в полном одиночестве, при приближении сна, становились доступными сознанию, но без того, чтобы было возможным обнаружить намеренное их предопределение... Я сначала ограничился тем, что их запомнил. Позже Супо и я решили намеренно вызвать в себе состояние, при котором они возникали. Для этого достаточно абстрагироваться от внешнего мира¹³.

Далее А. Бретон излагает технику автоматического письма:

Приведите себя, насколько можете, в состояние наиболее пассивное, или воспринимающее. Абстрагируйтесь от вашего гения, ваших талантов и талантов всех прочих. Скажите себе, что литература – одна из самых печальных дорог, ко всему ведущих. Напишите быстро, без заранее намеченной темы, достаточно быстро, чтобы не сохранить в памяти и не пытаться перечитать. Первая фраза придет в со-

¹¹ *Белый А.* Воспоминания о Блоке. М.: Республика, 2005. С. 25–26.

¹² Там же. С. 26.

¹³ Цит. по: *Андреев Л.Г.* Сюрреализм. М.: Высшая школа, 1972. С. 60.

вершенном одиночестве... Достаточно трудно высказаться по поводу следующей... Продолжайте, сколько вам нравится¹⁴.

Состояние пассивности, в котором пишущий начинает изливать на бумагу слова и строчки, роднит такую манеру письма с соловьевской (когда речь идет именно о «записях»). Но у Бретона и речи не идет о мистическом адресанте сообщений. В соловьевском случае коммуникативная ситуация оказывается иной.

Другой параллелью к соловьевским «записям» может быть опыт спиритической медитации. Спиритизм буквально охватил общество старой и новой столиц как некий «духовный спорт». Спиритические сеансы стали не просто салонной забавой, но эффективным способом установления и налаживания социальных связей. Приведем здесь любопытный эпистолярный случай: активный пропагандист спиритизма А.Н. Аксаков (1832–1903) через посредство кн. Д.Н. Цертелёва (1852–1911) приглашает на спиритический вторник К.Д. Кавелина (1818–1885), социолога, философа, этнографа, отреагировавшего, кстати, на магистерский диспут Вл. Соловьева критической статьёй, который, вероятно в силу своей позитивистской ориентации, категорически не хочет принимать исходные постулаты спиритизма. Нам неизвестно, было ли отправлено ответное письмо, но интересны его мотивы отказа. Упомянутый в письме историк М.М. Стасюлевич (1826–1911), многолетний (с 1866 по 1908 г.) редактор либерального художественно-литературного журнала «Вестник Европы» будет активно печатать статьи Соловьева в 90-е годы.

А.Н. Аксаков – К.Д. Кавелину.
РО ИРЛИ. Ф. 119. Оп. 1. Ед. 36. Л. 1–3.

5 марта 1875 С<анкт>. Петерб<ург>
Невский проспект, 6
(против Малой Морской)

Милостивый Государь,
Константин Дмитриевич!

Князь Цертелёв передал мне о согласии вашем присутствовать на спиритических сеансах наших, за что приношу Вам мою покорнейшую

¹⁴ Там же. С. 60–61.

благодарность. Очень жалко, что Вы не могли быть вчера вместе с г. Стасюлевичем, но надеюсь, что Вы будете свободны на следующие два или три вторника; прошу пожаловать в 8 часов вечера. Так как я слышал, что время Ваше очень разобрано, то я спешу теперь напомнить Вам о своем предложении, а на днях буду иметь честь лично явиться к Вам за ответом Вашим.

Прошу принять уверение в моем совершенном уважении
Александр Аксаков

К.Д. Кавелин – А.Н. Аксакову
[черновик письма]

6 марта 1875

М<илостивый> Г<осударь> Александр Николаевич,

Я имел честь получить Ваше письмо и приношу Вам искреннюю благодарность за оказанное мне внимание. Действительно, я выразил князю Цертелеву сожаление, что не мог воспользоваться Вашим обязательным приглашением и располагал просить у Вас явиться к Вам в один из следующих Вторников. После того, я много и долго думал о том, честно ли я поступлю перед Вами и перед собою, участвуя в Ваших собраниях, и после зрелого обсуждения, решил этот вопрос отрицательно. Я знаю, что с точки зрения светских приличий, такое заявление по меньшей мере не вежливо, в каких бы осторожных формах оно не было выражено. Но не имея честь знать Вас лично, я очень хорошо знаю о Вас понаслышке. Вы человек глубоко и искренне убежденный, и конечно не посмотрите на мое письмо с точки зрения светских условностей, особенно если примете в расчет, что я также как Вы, имею свои искренние убеждения, которыми дорожу выше всего на свете. В силу этих убеждений, сложившихся целою жизнью, я в принципе отвергаю возможность явления духов и никакие в мире опыты не в состоянии поколебать меня в этой уверенности. Затем, я не отрицаю возможности разных физических явлений, не объясняемых известными нам пока законами природы; но не зная естественных наук, я не могу смотреть на такие явления иначе, как с любопытством профана, не имеющего никаких условий, чтоб убедиться в действительном существовании явлений естественных, но пока еще не выясненных, ни чтоб открыть в том, что вижу, иллюзию чувств.

При таком взгляде, составляющем мое глубочайшее и искреннейшее убеждение, я не могу, оставаясь честным человеком, участвовать в собраниях у Вас, который столь же глубоко и искренне убежден в противном. Если б я только сомневался – другое дело. Но я не сомневаюсь, я просто отрицаю основные предпосылки спиритизма, а того, что мне в нем представляется открытым вопросом, я не могу обсудить по совершенному незнакомству с естествознанием. Что же бы мне оставалось делать в собраниях? Внутри отрицать, может быть подсмеиваться над тем, чему Вы глубоко веруете, а наружно лгать или отделяться ничего не значащими фразами, чтоб потом, оставив Ваш дом, дать волю дешевоумо остроумию на счет того, что я у Вас видел? Я считаю это недостойным честного человека. Для меня всякое искреннее убеждение, каким бы оно мне не казалось, свято и я не могу относиться к нему с легкомыслием, царящим в светском обществе. Я хочу удержать за собой неприкосновенным право свободного обсуждения, оставаясь честным человеком, а это возможно после публичного зрелища, куда вход открыт каждому за деньги, а не после собрания людей убежденных, куда я допущен по доверию. Участвуя в Ваших собраниях, я был бы связан соображениями нравственного свойства, от которых никто безнаказанно отрешиться не может.

Простите за совершенно откровенное выражение моих мыслей. Вы видите, что я не то что не хочу, а не могу бывать у Вас по Вторникам. Чтоб совершенно отделить вопрос личный от вопроса убеждений я на этих же днях постараюсь предупредить Ваше любезное посещение, и явлюсь засвидетельствовать Вам мое уважение во всякое другое время, кроме Вторника и собраний.

Прошу Вас принять уверение в моем совершенном почитании.

К. Кавелин

Увлекались спиритизмом и учитель Соловьева университетский профессор по кафедре философии П.Д. Юркевич, и друг Соловьева по гимназии князь Д.Н. Цертелев. Две записи из публикуемых нами, подписаны «Памфил», что с достаточной степенью достоверности можно расшифровать как указание на имя Памфила Юркевича. Одна из «диктовок» построена именно как обращение из потустороннего мира («человек у вас на земле»), что характерно для спиритических опытов, где вызывали духи умерших людей. Подтверждение мы находим в письме религиозного писателя А.Г. Орфано к С.Д. Лапшиной, жене приятеля Соловьева И.О. Лап-

шина (отца философа И.И. Лапшина), в доме которого устраивались спиритические бдения, от 9 марта 1875 года из Москвы:

Теперь я должен сообщить вам несколько деталей о Соловьеве и его спиритических занятиях, но прошу никому не говорить об этом. Надо вам сказать, что его пребывание в Петербурге многое дало ему в этом отношении и он вернулся сюда с гораздо меньшими предрассудками против спиритизма. Но вот уже месяц назад он передал мне, чтобы я к нему заглянул; поскольку я вижу с ним довольно часто, я подумал, что он получил письмо от своего брата и хочет сообщить мне какие-то новости от вас. Но представьте мое удивление, когда он мне сказал, что за 2 дня до этого, вернувшись с вечера, на котором был устроен сеанс, что он захотел сам проверить слышанные и виденные им движения и удары, и что к его большому удивлению, через несколько мгновений после того, как он уселся за свой ночной столик, тот начал вращаться, подпрыгивать и отвечать на его вопросы ударами ножки. Появившийся Дух назывался *Юркевичем*. После этого случая он продолжает заниматься спиритизмом, и если еще и не вполне убежден, то близок к этому. Вы можете подумать, как могут перемениться его убеждения под влиянием этих фактов, — *мнение, которое он находил абсурдным, становится объективной истиной*¹⁵.

Это свидетельство относится к периоду еще до первой заграничной командировки, а под поездкой в Санкт-Петербург, по всей видимости, подразумевается поездка для защиты магистерской диссертации в ноябре 1874 года.

Неоднократные свидетельства об интересе Соловьева к спиритизму в Лондоне, во время его первой заграничной командировки, мы находим в различных мемуарных источниках.

Изучающий историю государственных учреждений и землевладения в Европе выпускник Харьковского университета Максим Ковалевский (1851–1916), готовивший в библиотеке Британского музея свою магистерскую диссертацию, знакомый Карла Маркса (с которым Соловьев тоже мог пересечься, Маркс в это время был в Лондоне и ходил в Британ-

¹⁵ Лукьянов С.М. О Вл. Соловьеве в его молодые годы. Материалы к биографии. Кн. 2. Пг.: 1918. С. 94–95. Пер. с франц. мой. — А.К.

ский музей, но уж слишком далеки были сферы их научных интересов!), вспоминает о жизненных интересах своего соотечественника:

Соловьев интересовался спиритизмом не в смысле дамской забавы верчения столиков, в котором он сам ранее принимал участие в Москве скорее шутя, чем серьезно, а так как он надеялся найти в явлениях, выдаваемых за материализацию духов, средство общения с загробным миром. Он убедил меня и Янжула пойти с ним в метафизическое общество, помещавшееся в то время на Great Russell Street, почти напротив Британского музея, на спиритический сеанс. Заранее были куплены билеты, по 5 шиллингов каждый. Нас поставили в круг. Потушили огни. На расстоянии нескольких секунд слышались звуки арфы. Соловьев внезапно выдернул руку у своего соседа, русского корреспондента «Голоса», и схватил за руку державшего арфу. Он, разумеется, стал отбиваться и слегка задел ею по голове русского корреспондента. Раздался крик. Все пришли в смущение. Снова зажгли электричество. Сделали нам строгий выговор и пригрозили вывести при повторении. Отвели затем в соседнюю комнату, где должна была последовать материализация духа какого-то морского разбойника. После томительного ожидания мы увидели на некотором расстоянии от себя голову довольно дикого старика с белой бородой. Вполне материализовалась только нижняя часть лица. На выраженное нами желание видеть духа во весь рост последовал ответ, что в комнате слишком много скептицизма, а духи вольны в этом случае и отказать в полной материализации. Этот ответ вызвал с нашей стороны дружный смех, но Соловьева он рассердил — слишком уж серьезно он относился к этим вопросам. Владимир Сергеевич решил, что дело так оставить нельзя, и на следующий день пришел ко мне за подписью к подобию письменной жалобы, которую он направил комитету, заведовавшему метафизическим обществом. Нужно ли прибавлять, что никакого ответа на свою бумагу он не получил?

Интерес к спиритизму Вл.С. обнаружил и по случаю приезда туда известного русского спирита Аксакова. Целью его прибытия в Англию было найти медиума. Такой оказался в Ньюкэстле, если память мне не изменяет, какой-то кузнец. Это тот самый медиум, который разоблачен был Менделеевым на сеансе в Петрограде. Я спрашивал Соловьева: какие причины обратили Аксакова в спири-

та? Он улыбаясь ответил мне: неудачный второй брак и желание свидеться с первой супругой. Полушутя, полусерьезно Соловьев сообщил мне, что по ночам его смущает злой дух, Питер, пророча ему скорую гибель. Это было во время нашего совместного возвращения из музея госпожи Тюссо, музея восковых фигур. Я остановился на дороге и с некоторым раздражением, смотря в упор Соловьеву, сказал ему: «Уж не принимаете ли вы меня за одну из тех старых дев, которые, распустив уши, благоговейно внимают всему этому вздору в Москве?» Соловьев разразился детским смехом и не дал мне никакого положительного ответа. Вскоре я подал ему повод пошутить надо мной. Он просидел у меня весь вечер и собрался домой только в двенадцатом часу. Ночью я проснулся, и в незакрытой двери в гостиную мне предстал его образ, в черном сюртуке и высокой шляпе, в глубоком вольтеровском кресле. Вечером мы говорили о спиритизме. Я был еще под впечатлением этой беседы и поэтому невольно закричал, увидев материализацию духа живого человека. «А еще ничему не хотите верить», – послышался голос Соловьева. Дело объяснилось весьма просто. Крайне рассеянный, Соловьев забыл дома ключ от входа в свою квартиру. Пробродив некоторое время по улицам Лондона, он постучал ко мне. Его впустили. Не желая никого беспокоить, он устроился на остаток ночи в моем кресле¹⁶.

Иван Янжул (1846–1914), экономист и статистик, защитивший магистерскую в один год с Соловьевым и отправившийся в Лондон для подготовки в Британском музее докторской диссертации об английской свободной торговле, так отзывался о своих лондонских встречах с молодым философом:

Вл. С. не раз серьезнейшим образом сообщал Frf. фон Штудниц и Е.Н. Янжул в виде особого или специального знака доверия, что он во всех решительных и важных случаях своей жизни поступает согласно указанию и совету духа одной «нормандки» XVI или XVII века, которая является к нему по желанию и дает надлежащие указания, как действовать или чего ждать. Повторяю опять, что он это

¹⁶ Ковалевский М.М. <Из воспоминаний о Вл.С. Соловьеве> // Владимир Соловьев: pro et contra. Т. I. С. 104–105.

сообщал несколько раз и притом самым категорическим образом, сторонясь нас – мужчин, которые поднимали его за подобные сообщения на смех. Вообще, милый и симпатичный человек, особенно каким он сделался в последнюю половину своей жизни, Вл. С. представлялся несколько ненормальным в ту эпоху, когда я с ним встретился в Лондоне и работал вместе в Британском музее. Целые часы, как я за ним иногда следил в музее, как он работает, он сидел по соседству, над какой-то книгой о Каббале с курьезными, диковинными рисунками и значками, совершенно углубленный и забывающий, что делается вокруг. Сосредоточенный, печальный взгляд, какая-то внутренняя борьба отражалась на его лице почти постоянно¹⁷.

Однако и здесь, несмотря на ряд любопытных параллелей (упоминаемый Янжулом «дух одной нормандки») мы не видим оснований рассматривать автоматические записи в качестве разновидности записи спиритического сеанса. Спиритический сеанс предполагал некоторый регламент, установленные день и время, круг приглашенных гостей, «верных» или потенциальных адептов, соловьевское же общение было сугубо приватным и не привязанным к определенному времени суток и обстоятельствам. Можно представить, что автоматические записи могли быть и своеобразной формой переключения, отдыха, перерыва творческого процесса, наподобие той функции, которую могли выполнять пушкинские рисунки на полях его рукописей. Только вот таланты Соловьева были несколько иные. Другим аргументом против того, что «записи» носят характер фиксации спиритического сеанса, является тот, что «диалоги» с Софией продолжаются и после 70-х, когда интерес философа к спиритизму затухает и сходит на нет. Однако записи встречаются и в середине, и в конце 80-х годов – тому подтверждение наличие «автоматического письма» на наброске статьи «Красота в искусстве» – тема «красоты» входит в активную разработку лишь в конце 80-х, если только наброски к этой статье не были сделаны много ранее. София здесь теряет характер исключительно трансцендентной, метафизической и божественной сущности, отождествляясь подчас с земной возлюбленной. Н.В. Котрелев пишет:

¹⁷ Янжул И.И. <Из воспоминаний о Вл.С. Соловьеве> // Владимир Соловьев: pro et contra. С. 99–100.

Я решительно убежден, что один из основных ключей к наследию Вл. Соловьева, если не главный – ответ на вопрос, что или кто такая «София»... речь идет только о тексте медиумических записей, подписанных этим женским именем (в его французской форме *Sophie*). Здесь нет возможности выяснять, в каком отношении стоят оно и его носительница с одноименной героиней ранних мистико-философских рукописей, с Душой мира, с Софией – Премудростию Божией, с женскими образами соловьевской лирики, с Вечною Женственностью и др. объектами (а возможно, и субъектами) творчества Вл. Соловьева¹⁸.

Сомневаюсь, что окончательный и удовлетворительный ответ на поставленный вопрос может быть найден. Во всяком случае, он будет разный и будет стоять в зависимости не только от мировоззренческой, но и от профессиональной позиции исследователя. Иначе говоря, один ответ даст священник, другой – приверженец оккультного знания, третий – психиатр или психоаналитик, иной – специалист по измененным состояниям сознания, религиовед и т.д. Джудит Корнблатт так характеризует софийные тексты Соловьева:

<...> смелая комбинация юмора и мистицизма, эротизма и сакральных видений, выдумки и духовной истины у Соловьева – все они затрагивают увлекательный вопрос, кем или чем является Божественная Премудрость. Увлечение следующих поколений ею как проявлением Вечной Женственности ставит под сомнение ее пол, так как часто в византийской иконографии «она» предстает как «он» (Христос как Божественная Премудрость). Каббалистическая Хохма, несмотря на женский грамматический род, на самом деле, существо мужского пола. Соловьёв играет на взаимодействии в Софии и духа, и материи, равно как он играет на взаимодействии полов и на напряжении между религиозной философией и литературными жанрами¹⁹.

¹⁸ *Компелев Н.В.* «Благонамеренность не спасает от заблуждений...». Незданные автографы Владимира Соловьева // Наше наследие. 2000. № 55. <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/5507.php> [дата обращения – 21.08.2018].

¹⁹ *Kornblatt J.D.* *Divine Sophia: The Wisdom Writings of Vladimir Solovyev.* Cornell University Press, 2009. P. 9. (пер. с англ. – Н. Пеньяфлор Расторгуевой).

Первоначально София (или Софи, если следовать французскому, а не греческому написанию имени, (именно так близкие называли С.П. Хитрово!) является Соловьеву сверхмирной, божественной сущностью. Ближе к середине и концу 80-х мы видим (например, в записях, опубликованных Г.И. Чулковым, некоторые из которых могут быть датированы второй половиной 80-х годов), что мистический адресант явно сближается с возлюбленной Соловьева С.П. Хитрово. Упоминается ее сын Рюрик-Георгий (1875–1916), погибший впоследствии на фронте Первой мировой войны (см. запись VI из публикаций Чулкова «Ну же мой милый теперь свободна, все уехали и я себе принадлежу а Рюрик у меня болел послала за <нрзб.> встала рано, приходите меня отдохнуть»²⁰, а также о возвращении из Румынии (муж С.П. Хитрово дипломат М.А. Хитрово с 1886 года был чрезвычайным посланником и полномочным министром при румынском короле Карле): «мы будем вместе будем тогда когда я оставлю навсегда Румынию... Я буду в России январе... Между мною и тобою нет больше преград... Мы будем вместе жить с января... 1889»²¹. Знакомство Соловьева с Софьей Петровной Хитрово (урожд. Бахметьевой), «туранской Евой», как ее называли в свете, внебрачной дочерью (была записана на брата Петра, поэтому официально считалась племянницей) вдовы поэта А.К. Толстого С.А. Толстой, которая на долгие годы станет его возлюбленной, происходит в 1877 году²², поэтому она никак не могла стать протагонистом мистического общения с Софией, которое началось раньше (трактат «София», на полях которого мы обнаруживаем автоматические записи, писался в 1875–1876 годах). В ранних записях нет и намек на земную женщину: София призывает своего собеседника быть убежденной в своей божественности, и более того, претендует на исключительность: «Я твой бог и ты не должен иметь иных богов кроме меня. Ты не должен думать ни о ком, кроме меня». В более поздних записях она все больше приобретает черты реальной земной возлюбленной. Это подтверждается и высказанной в соррентийском диалоге «Софии» (март 1876 г.) идеей, что «избранник человечества» может любить «восходящей» любовью только богиню, поскольку нет земных женщин, стоящих

²⁰ *Чулков Г.И.* Автоматические записи Вл. Соловьева / Публ. и комм. М.В. Михайловой // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 126.

²¹ *Чулков Г.И.* Цит. соч. С. 125.

²² *Трушкин М.Д.* А.К. Толстой и мир русской дворянской усадьбы. М.: Русский Мирь, 2009. С. 588–589.

в общественной иерархии выше его, а среди них – «великий священник человечества» находится с ней в наиболее интимной связи²³. В ранних записях мы постоянно сталкиваемся с темой мучительного перерождения («Но не думайте, что я могу превратиться внезапно, нет это будет долгая история и я причиню вам еще много страданий») или рождения Софии для философа («я рожусь для тебя в апреле 1878»). Эта процессуальность Софии иронически была отражена в мистерии «Белая лилия» (к ней отсылает в своей статье Г.И. Чулков), где «Белая лилия» появляется из убитого Мортемиром медведя (в записи конца 80-х годов, опубликованной Чулковым – см. запись II «Мы будем завтра одни. Медведь обращается в лилию»²⁴). Показательно в связи с этим стихотворение, опубликованное по рукописи из архива С.А. Полякова в 1978 г. в Ежегоднике Пушкинского дома, где есть такие строфы:

И я печально уходила
Когда не помня клятв былых
Ты зажигал свое кадило
У алтаря богов чужих.

Но под напором злейшей вьюги
Виденья лучшие забыв
Не слышал ты своей подруги
Молящий горестный призыв.

Далее, правда, речь идет не о единственном Боге, кроме Которого не может быть иных, но о новом боге, требующем особого поклонения, причем, судя по всему, – это божество «третьего завета» связано с особым поклонением третьей ипостаси, Св. Духу.

И над этим великим крестом,
Над тревогою мыслью и дел,
Мы воздвигнем еще в нашем храме святом
Богу новому третий придел²⁵.

²³ См.: Соловьев В.С. София // Соловьев В.С. ПССиП. С. 155.

²⁴ Там же.

²⁵ РО ИРЛИ. Ф. 240 (С.А. Поляков). Оп. 159. Ед. 2. Л. 26–27. Оpubл.: Гречишкин С.С. Цит. соч. С. 20–21.

Такое понимание Софии не противоречит и поздней лирике Соловьева, например, стихотворению «Das Ewig-Weibliche»:

В свете немеркнушем новой богини
Небо слилось с пучиною вод²⁶.

Мистическая корреспондентка сообщает философу не только навязчивые идеи близящейся эротической встречи, предстоящего (вос)соединения, или опасения разлуки, измены, ухода. В ее уста вкладываются и многочисленные культурно-философские реминисценции. София свободно владеет французским, немецким, английским, пользуется древне-греческими и латинскими крылатыми выражениями, охотно и к месту цитирует «Ночную песнь странника» И.-В. Гёте²⁷, с легкостью переходя с немецкого на французский, проявляет знакомство с терминологией Аристотеля и греческой патристики, используя греческие термины *hupokeimenon* (подлежащее) и *hupostasis* (личность, букв. подставка) в весьма двусмысленном эротическом контексте, в общем, обнаруживает познания в области гностической и мистической эзонологии и демонологии, ссылается на Сведенборга, вспоминает о самоубившемся гимназическом товарище Бибикове или приятеле Федоре Соллогубе, художнике и поэте, племяннике славянофила Ю.Ф. Самарина, с которым Соловьев коротал вечера в Каире в 1876 году, – в общем, представляет собой, подобно чёрту Ивана Карамзова своеобразную нуминозную личность, женского двойника самого философа. Амбивалентность Софии в метафизике Соловьева, в результате которой она является не столько посредницей между Богом и миром, сколько разделителем двух миров, входящим и в божественную плерому («третий мир душ»), и в полном соответствии с гностическим мифом являющимся началом падшего, извращенного, вывороченного наизнанку мира, где царствуют Сатана и Демиург. Таким образом, София превращается в чёрта, и встречающаяся в одном месте нашей публикации подпись, очень напоминающая автограф «князя мира сего». И в интимном общении «небесная подруга» проявляет себя тоже двояким образом, и Соло-

²⁶ Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. Вступ. ст., сост. и комм. З.Г. Минц. Л.: Советский писатель, 1974. С. 121.

²⁷ Благодарю В.В. Миронову и Д. Миронову за помощь в атрибуции данной цитаты. Это позволяет расширить круг гётевских реминисценций в творчестве Соловьева, которые, несомненно, заслуживают отдельного исследования.

вьев далек от умиротворенного восторга, описанного в «Трех свиданиях». Подобно коварной возлюбленной, она попеременно то обещает философу мучить его различными способами, то сулит скорое соединение. Близость соловьевских интуиций опыту переживания «внутренней женщины» (которую он называл «anima») у К.-Г. Юнга уже была отмечена в современной исследовательской литературе:

Напряженно-мистическое понимание религии, которое было свойственно Соловьеву, с одной стороны, и непринятие исторического христианства, с другой, уводит его далеко как от рационализма и эмпиризма XIX века, так и от христианской традиции, выработавшей определенные нормы религиозной жизни. Мир собственной души становится, пожалуй, самым главным источником исканий Соловьева. Живое религиозное переживание не сводимо к рациональным логическим формулам. Это переживание носит мифопоэтический характер. Встреча с трансцендентным переживается Соловьевым как мистическое озарение. Философ создает свой индивидуальный миф. Именно через миф с точки зрения аналитической психологии, человек осмысляет свою связь с нуминозным. Персонаж гностической космогонии становится личным спутником Соловьева, близким другом (подругой), частью его личного мифа, откуда София, выраженная в терминах рационально-философских, переходит в метафизику всеединства²⁸.

Anima у Соловьева – одно из имен Софии, присутствующее в различных схемах и черновиках. Следует отметить и сходный интерес к раннехристианскому гностицизму, объединяющий Соловьева и Юнга. Сближая «четвертое лицо» Софии с юнгианским архетипом тени, современный исследователь пишет: «София – это «тень» Святой Троицы, божественный комплекс вины за мировое зло, вытесненный в сферу бессознательного»²⁹.

Отметим здесь единственную (на нашей памяти) на сегодняшний день публикацию, посвященную специально «автоматическим записям»

²⁸ Калинин Е.А. Проблема теодицеи. Идеи софиологии Владимира Соловьева в свете аналитической психологии К.-Г. Юнга // Соловьевские исследования. Иваново: Вып. 2 (13). 2006. С. 114–115.

²⁹ Там же. С. 217.

Вл. Соловьева. В ее основе лежит доклад, прочитанный Г.И. Чулковым в 1927 г. на заседании Комиссии по психологии творчества при философском отделении ГАХН, действительным членом которой он состоял в 1922–1930 годы³⁰. В воспоминаниях «Годы странствий» Чулков пишет о своем опыте расшифровки «записей» Соловьева:

Я имел случай теперь – в 1922 году – изучить некоторые загадочные автографы Владимира Соловьева, до сих пор неопубликованные. Эти автографы – особого рода записи поэта-философа, сделанные им автоматически в состоянии транса. Это состояние (как бы медиумическое) было свойственно Соловьеву по временам. Темой соловьевских записей является все она же, «София», подлинная или мнимая – это другой вопрос. Во всяком случае, характер записей таков, что не приходится сомневаться в «демоничности» переживаний, сопутствовавших духовному опыту поклонника Девы Радужных Ворот³¹.

Позиция Г.И. Чулкова, который являлся «соловьевцем», несмотря на то, что не успел познакомиться с ним лично, и менял на протяжении жизни свое отношение к соотношению поэтического и философского творчества, а также к религиозному кредо Соловьева, весьма отличается от А. Блока, С.Н. Булгакова (до начала 20-х годов) или Ф.А. Степуна, всецело доверявшихся мистическим интуициям Соловьева и принимавшим за неоспоримую истину и сам факт софийных видений, и их мистическую доброкачественность. Неслучайно Чулков останавливается на «автоматическом» характере записей Соловьева (ставя перед словом «медиумические» коварное «как бы»!) и оговаривается, что нам неизвестно «подлинной или мнимой» была небесная собеседница Соловьева.

³⁰ Чулков Г.И. Автоматические записи Вл. Соловьева. С. 121–132. Недавно вышедшее фундаментальное двухтомное исследование, посвященное истории ГАХН, не включает в себя упоминание об этом докладе и содержит крайне скудные сведения об участии Г.И. Чулкова в работе ГАХН: Искусство как язык – языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов: В 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

³¹ Чулков Г.И. Годы странствий / Вступ. ст., сост., подг. текста, комм. М.В. Михайловой. М.: Эллис Лак, 1999. С. 139.

Чулков анализирует девять «автоматических записей», обнаруженных им в двух местах – рукописном отделении библиотеки Саратовского университета и личном собрании. По сведениям А.А. Гапоненкова и С.В. Дрёмовой, речь идет об автографах из коллекции профессора Петербургского университета И.А. Шляпкина (1858–1918), завещавшего свое собрание книг и рукописей Саратовскому университету. Автографы Соловьева хранились в Саратове до 1942 года, затем были изъяты и переданы в ЦГИА (ф. 733)³². В «Путеводителе по Научной библиотеке»³³ говорится о рукописях Соловьева, но нет указания на то, что она включается в состав коллекции И.А. Шляпкина. Более того, речь идет о «двух больших собраниях» – «переписке И.А. Шляпкина с профессурой русских университетов (1880–1920)» и «коллекции рукописей Владимира Соловьева». Вероятно, ее состав был значительно шире, поскольку С.Л. Франк в пору своего деканства на историко-филологическом факультете Саратовского университета (1917–1921) ведет переговоры с С.М. Соловьевым о приобретении архива его дяди. Однако затем, рукописи, вероятно все-таки приобретенные С.Л. Франком, оказываются в собрании РГАЛИ, составляя основу 446 фонда (Вл.С. Соловьев). Сколько эти документы пробыли в Саратове и когда они вернулись в Москву, нам неизвестно. Достоверно известно, что несколько документов осталось в рукописном отделе библиотеки Саратовского университета. Что же касается двух автографов из собрания А.М. Кожебаткина, секретаря издательства «Мусагет» и директора издательства «Альциона», то можно предположить, что подготовленные Г.И. Чулковым к изданию и изданные только лишь в 1992 году два соловьевских фрагмента, содержащих автоматическое письмо, могут находиться в составе его архива (ф. 189, рукописный отдел ИМЛИ). Историю циркуляции соловьевских рукописей еще предстоит воссоздать, однако на сегодняшний день нам неизвестно местонахождение тех автографов, которые публикует Г.И. Чулков. Основной массив публикуемых автоматических записей – относится как раз к рукописям, хранящимся в ф. 446 в РГАЛИ. Сюда относятся автоматические записи на страницах архивного кодекса, содержащего рукописи на французском

³² Дрёмова С.В., Гапоненков А.А. Из архива В.С. Соловьева // Вопросы философии. 1993. № 6. С. 169.

³³ Путеводитель по Научной библиотеке / Под ред. директора библиотеки В.А. Аргисевич. Саратов: Саратовское государственное издательство, 1936. С. 12.

языке и опубликованного под общим заглавием «София». Также это разрозненные записи, сделанные часто на рукописях философских работ, набросках лекций и проч.

Готовя к публикации неизданные письма своего дяди (книга так и не увидела свет), С.М. Соловьев-младший предваряет их такой преамбулой:

Считаю долгом оговорить, что обнародование этих документов происходит по моей инициативе. По независящим от меня обстоятельствам архив В.С. Соловьева стал за последнее время доступен государственным учреждениям и частным лицам. Я всегда считал своим долгом оберегать тайны покойного от постороннего взгляда, теперь же мой долг состоит в том, чтобы дать верное освещение тем для многих неожиданным идеям и настроениям, которые Соловьев оставил в своей частной переписке и которые конечно не предполагал для печати. Но таков трагичный удел всякого великого человека: рано или поздно его интимная жизнь становится публичным достоянием³⁴.

Тем не менее, именно он начинает предавать публичности «автоматические записи» в подготовленной им к 1922 году книге «Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева» (увидела свет лишь в 1977 г. в бельгийском издательстве «Жизнь с Богом»). Он активно вводит в оборот записи снов и другие рукописные материалы, в кругу которых, прежде всего, следует отметить «Софию», некоторые страницы которой он переводит и включает в свою книгу, а иные – дает в изложении. «Странные» записи он квалифицирует именно как медиумическое (а не автоматическое) письмо. Ссылаясь на «альбом № 1», содержащий «Молитву об откровении великой тайны», относимый ко времени первого заграничного путешествия (местонахождение его ныне – нам неизвестно), он пишет:

Страницы альбома испещрены медиумическим письмом. В это время Соловьев убежден, что он, посредством медиумического письма получает откровения от небесных духов и самой Софии. По большей части эти откровения написаны на французском языке и име-

³⁴ Соловьев С.М. Предисловие и примечания к письмам Соловьева // РГАЛИ. Ф. 446. Оп. 1. Ед. 78. Л. 1. Опул.: Котрелев Н.В. «Благонамеренность не спасает от заблуждений...».

ют подпись Софи или полугреческими буквами С о ф и а. Подобными письмами из духовного мира испещрены все рукописи Соловьева. Иногда фраза какой-нибудь статьи обрывается, выводятся каракули, затем означает несколько слов, потом все тонет в каракулях, и статья продолжается. В последующие годы эти записи носят менее медиумический характер. Они написаны свободно, без каракуль, размашистым почерком Соловьева, с некоторым подражанием английскому почерку Софии Петровны Хитрово. В 80-х годах эти писания становятся реже. В 90-х годах почти пропадают³⁵.

Другой архивный источник, по которому нами публикуются автоматические записи Соловьева – фонд издателя журнала «Скорпион» и сотрудника «Весов» С.А. Полякова, хранящийся в рукописном отделе Пушкинского дома. Сын купца 3-ей гильдии и совладелец Знаменской текстильной мануфактуры, С.А. Поляков был тонким ценителем западной литературы, перевел на русский язык произведения Ибсена, Стендаля, К. Гамсуна. Он был в центре культурной жизни Серебряного века, дружил с К. Бальмонтом, Ю. Балтрушайтисом, тесно общался с В. Брюсовым, А. Белым, С. Соловьевым. Как полагал исследовавший и описавший архив С.А. Полякова в ИРЛИ С.С. Гречишкин, «соловьевские рукописи С.А. Поляков безусловно получил от поэта С.М. Соловьева – племянника философа и хранителя его архива... Это отрывки из статей, выписки из философских, богословских и оккультных сочинений, тезисы публичных лекций и т. д.»³⁶. Документы, хранящиеся в архиве Полякова, действительно представляют собой довольно искусственно выделенную часть архива, хранившегося у племянника. Некоторые листы с планами философских работ имеют свое продолжение в той части архива, которая хранится в РГАЛИ. Что сподвигло С.М. Соловьева расстаться с частью рукописей (главным образом, набросков незавершенных статей и планов нереализованных работ), мы пока не знаем. Можно предположить, что рукописи Соловьева были получены (выкуплены) им еще до 1917 года, в пору активного сотрудничества с племянником философа в «Скорпионе» и «Весках».

³⁵ Соловьев С.М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель: Жизнь с Богом, 1997. С. 119.

³⁶ Гречишкин С.С. Архив С.А. Полякова // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома за 1978 г. Л.: 1980. С. 20.

Три автоматические записи Соловьева были опубликованы Н.В. Котрелевым в 2000 г. в журнале «Наше наследие»³⁷. Эта публикация значительна тем, что «софийные» записи даются «внутри» того текста, в который они включены, в данном случае – внутри текста афоризмов и «мыслей о времени» Соловьева. Именно так, вне всякого сомнения, следует публиковать их в составе академического собрания сочинений философа. Интересен вывод исследователя о том, по какой причине два двойных рабочих листа с афоризмами были разрознены – лист, содержащий автоматические записи был помещен хранителем и наследником архива (М.С. Соловьевым) в отдельную папку, где были собраны «компрометирующие» великого философа документы. Прочитав здесь развернутое исследовательское описание автоматического письма, сделанное Н.В. Котрелевым:

В распоряжении наследников Соловьева оказались десятки листов с подобными записями. Иногда они достаточно четки, иногда совершенно не читаемы, только строка-другая, в виде мерцающей извилистой линии, как таинственный след луча на экране осциллографа. Чаще всего начинается текст удобопонятными словами, которые лепятся одно к другому, сливаются, становятся всё менее вразумительными и, наконец, затухают дрожащим росчерком. В записях встречаются французский язык и русский, подчас они смешиваются – как во второй из приводимых выше. Сеансы бывают совсем краткими, в два-три слова, бывают долгими и состоящими из пространных реплик по несколько строк. Чаще всего в этих стенограммах несомненно и безошибочно ощущается диалогическая структура, обмен фразами – но тут-то и встает перед бесцеремонным читателем одна из больших трудностей для понимания собственно словесного содержания этих текстов – как различать границы реплик и какие кому приписывать – что говорит Софи, а что нужно читать как отклики самого Соловьева?

Повторю, подобных записей сохранилось достаточно много. Порою они делались на чистых листах или клочках бумаги, но зачастую на полях рабочих рукописей философа и публициста. Иногда

³⁷ <Шуточные афоризмы и диалоги с Софией> РГАЛИ. – Ф. 446.1.30. – Л. 1–2 и 446.1.40. – Л. 9–10. Опубл.: Котрелев Н.В. «Благонамеренность не спасает от заблуждений...».

философский текст просто перетекает в текст медиумической записи и наоборот, так что законным оказалось бы предположение – а не она ли диктовала мистику и слова, предназначенные для обнародования, для публичной огласки? При изучении соловьевской мистики этот вопрос, по всей видимости, не бессмысленный. Душеприказчики Соловьева (прежде всего – брат, Михаил Сергеевич, а после его смерти – племянник, Сергей Михайлович), чье поведение по отношению к архиву писателя определяло степень и стиль знакомства с ним «публики», не без оснований, самых серьезных, сочли обнародование медиумических записей опасным для репутации Соловьева. Они собрали эти документы в один пакет, выдергивая подчас компрометирующие листы из больших рукописей. Так по разным папкам и были разнесены два двойных листа с «афоризмами»: вторая их половина хранится именно среди разрозненных листов с записями сеансов «автоматического письма»³⁸.

Н.В. Котрелев не останавливается на одном определенном наименовании «записей» Соловьева, именуя их в зависимости от контекста то «автоматическими», то «медиумическими».

Рационалист в Соловьеве все время побеждает мистика, и даже ближайшие его соратники и последователи (например, кн. Евгений Трубецкой) упрекают его в чрезмерности рационалистических дедукций, делающих его философию слишком «кушитской» (говоря языком Хомякова), ставящих под угрозу саму божественную свободу миротворения. Но, как метко заметил участник петроградского кружка «Воскресение» и человек «круга Бахтина» Л.В. Пумпянский, «все особенности языка Вл. Соловьева вытекают из того, что он не исследует, не ищет новых истин, а утверждает и построяет. Это классическое выражение утверждающего и архитектурного стиля»³⁹. Соловьев строит свою мысль по схеме, которая эксплицируется и разворачивается им в виде рационалистических дедукций начал. Однако если приглядеться, несущие конструкты этой архитектуры вводятся априори. Источником их является не мистическая интуиция, но определенная историко-философская или богословская реминисценция. Несколько иначе видится этот «архитектурный стиль» Ф.А. Степуну

³⁸ Котрелев Н.В. «Благонамеренность не спасает от заблуждений...».

³⁹ Пумпянский Л.В. Заметка о Вл. Соловьеве // Философские науки. 1995. № 1. С. 80.

ну, считавшему, что за логическим каркасом соловьевских дедукций стоят озарения мистического опыта:

Понятия для Соловьева – почти что игрушки, а не орудия, при помощи которых он пытается в неустанных трудах достичь истины, всего лишь формы передачи и упорядочивания убеждений, пришедших в философию откуда-то со стороны, что казалось мне, убежденному неокантианцу, верящему в безусловную научную философию, совершенно недопустимым... понятия у него – в первую очередь сообщения о донаучных переживаниях, коренящихся в эмпирике религиозного опыта. Все построения Соловьева не порождают ничего нового и основополагающего, в гораздо большей степени он пытается сообщить о найденном в донаучной сфере... понятия у Соловьева не являются таковыми в собственном смысле, ... это перенесенные в сферу логики символы, истинная значимость и убедительность которых заключается в мистической прозрачности, а не в логической последовательности⁴⁰.

Философские тексты Соловьева, сколь бы не был высок их религиозно-проphetический пафос, не содержат в себе, на наш взгляд, ничего, что не могло бы быть воспринято и творчески переработано из предшествующей философской и оккультно-мистической традиции. В качестве свидетельства приведем мнение исследовавшего влияние Якова Бёме на русскую мысль американского ученого Зденека Давида, выпустившего еще в 1962 году статью о влиянии Якова Бёме на русскую мысль, в которой Соловьеву посвящено несколько страниц:

1875–1877 годы были решающими в формировании религиозных и философских ориентиров Владимира Соловьева. С весны 1875 года его интеллектуальные энергии были сфокусированы на теософической литературе, а именно на Бёме, Сведенборге и Парацельсе. В дополнение к членам лапшинского кружка, он разделил свой интерес в Достоевским, с которым он познакомился в 1873 году, с философом Николаем Страховым и с графиней Софьей Толстой, вдовой поэта Алексея Толстого. Его уважение к Бёме возросло с его знакомством с такими видными теософами, как Порредж, Гихтель

⁴⁰ Степун Ф.А. Мистическое мировидение. С. 40.

и Арнольд, а также Сен-Мартен, которые были последователями и подражателями Бёме. В эти два года его начавшиеся в детстве экстаические видения «Вечной женственности» совпали gottliche Sophia бёмевской теологии и космологии. В дальнейшем, следуя собственным свидетельствам Соловьева, его религиозные и философские взгляды, которые он начал формулировать в своих трактатах 1870-х годов, были параллельными ключевым идеям бёмевской школы⁴¹.

Автор успешно доказывает параллелизм ряда ключевых терминов у Бёме и Соловьева, ссылаясь на конкретные места в произведениях Бёме и Соловьева. Сюда относится и абсолютная сущность или существенная Премудрость (Sagesse essentielle в «La Russie et l'Eglise universelle») – die wesentliche Weisheit, «тело Божие» (Gottes Leib) или die gottliche Leiblichkeit, «слава Божия» или «царство Славы» – Herrlichkeit Gottes, упоминание о двух полюсах, или центрах в Божестве (Centrum Naturae), упоминание о «темном огне» (das finstere Feuer) своеволия и использование относительно Софии понятия materia prima, применение к Софии, находящейся в состоянии чистой потенциальности, термина «Magia», актуализация Софии в трех ипостасях Троицы, – вот далеко не все параллели между Соловьевым и Бёме, которые скрупулезно выявляет Зденек Давид.

Все это, конечно, никоим образом не принижает достоинства и оригинальности соловьевской мысли и масштаба его личности, но заставляет нас задуматься о необходимости сопоставлять реальный облик философа и миф о нем, созданный его современниками и ближайшими потомками.

В данной публикации мы не ставили задачу выстроить публикуемые фрагменты по хронологии или дать предположительную датировку их написания. Несомненно, это задача будущего академического их издания, где фрагмент должен быть издан вместе с текстом работы, лекции, статьи, в который он, возможно, инкорпорирован, подробным описанием источника, сопровожден факсимиле, как это сделано с некоторыми записями, опубликованными в корпусе «Софии». Мы старались воспроизводить значимые сегменты текста, воспроизводя зачеркивания в прямых скобках, однако за рамками публикации остаются трудночитаемые фразы, наборы букв, из которых далеко не всегда проявляются осмысленные

⁴¹ David Zdenek V. The influence of Jacob Boehme on Russian Religious Thought // Slavic Review. 1962. Vol. 21. № 1 (mar.). P. 59–60. Пер. с англ. мой. – А.К.

слова и фразы. Данная публикация дает возможность читателю представить эти «записи» в массиве, что, несомненно, позволяет несколько иначе взглянуть на внутреннюю пружину творчества философа и поэта, проникнуть в его творческую лабораторию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Л.Г. Сюрреализм. М.: Высшая школа, 1972. 232 с.
2. Белый А. Воспоминания о Блоке. М.: Республика, 2005. 510 с.
3. Владимир Соловьев: pro et contra. Личность и творчество Владимира Соловьева в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Т. I. Серия «Русский путь». СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 2000. 895 с.
4. Брандес Г. Русские впечатления / Пер. с дат. Т. Чесноковой. М.: О.Г.И., 2002. 484 с.
5. Гречишкин С.С. Архив С.А. Полякова // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома за 1978 г. Л.: 1980. С. 3–22.
6. Дрёмова С.В., Гапоненков А.А. Из архива В.С. Соловьева // Вопросы философии. 1993. № 6. С. 169–171.
7. Калинин Е.А. Проблема теодицеи. Идеи софиологии Владимира Соловьева в свете аналитической психологии К.-Г. Юнга // Соловьевские исследования. Иваново: Вып. 2 (13). 2006. С. 207–219.
8. Козырев А.П. Соловьев и гностики. М.: Издатель С.А. Савин, 2007. 544 с.
9. Котрелев Н.В. «Благонамеренность не спасает от заблуждений...». Неизданные автографы Владимира Соловьева // Наше наследие. 2000. № 55. <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/5507.php>[дата обращения – 21.08.2018].
10. Лукьянов С.М. О Вл. Соловьеве в его молодые годы. Материалы к биографии. Кн.1–3 (Ч.1). Пг: 1917–1921.
11. Лукьянов С.М. О Владимире Соловьеве в его молодые годы. В 3-х кн. М.: Книга, 1990. 442+191 (1 паг.)+366 (2 паг.)+384 с.
12. Пумпянский Л.В. Заметка о Вл. Соловьеве // Философские науки. 1995. № 1. С.80–81.
13. Путеводитель по Научной библиотеке / Под ред. директора библиотеки В.А. Артисевич. Саратов: Саратовское гос. издательство, 1936. 20 с.
14. Резниченко А.И. «Я не знаю, насколько тверды и самоотвержены миряне парижские...»: пятнадцать писем другу // Софиология и неопатристический синтез: два богословских итога философского развития. Сборник научных статей по итогам работы секции по истории русской мысли XXII Ежегодной богословской конференции ПСТГУ / Сост. К.М. Антонов, Н.А. Ваганова. М.: ПСТГУ, 2013. С. 117–155.
15. Соловьев В.С. Письма. Т. IV / Под ред. Э.Л. Радлова. Пб.: Время, 1923. 240 с.

16. Соловьев В.С. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т.2. 1875–1877. М.: Наука, 2000. 398 с.
17. Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы / Вступ. ст., сост. и комм. З.Г. Минц. Л.: Советский писатель, 1974. («Библиотека поэта. Большая серия»). 351 с.
18. Соловьев С.М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель: Жизнь с Богом, 1997. 434 с.
19. Стенун Ф.А. Мистическое мировидение. Пять образов русского символизма. Пер. с нем. Г. Снежинской, Е. Крепак, Л. Маркевич. СПб.: Владимир Даль, 2012. 479 с.
20. Трушкин М.Д. А.К. Толстой и мир русской дворянской усадьбы. М.: Русский Мир, 2009. 656 с.
21. Чулков Г.И. Автоматические записи Вл. Соловьева / Публ. М.В. Михайловой // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 121–132.
22. Чулков Г.И. Годы странствий / Вступ. ст., сост., подг. текста, комм. М.В. Михайловой. М.: Эллис Лак, 1999. 864 с.
23. David V. Zdenek. The influence of Jacob Boehme on Russian Religious Thought // Slavic Review. 1962. Vol. 21. № 1 (mar.). P. 43–64.
24. Kornblatt J.D. Divine Sophia: The Wisdom Writings of Vladimir Solovyev. Cornell University Press, 2009. 298 P.

СОКРАЩЕНИЯ

ПССиП – Соловьев В.С. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Сочинения: В 15 т. Т. 2. 1875–1877. М.: Наука, 2000.

ПРИЛОЖЕНИЕ

АВТОМАТИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ ВЛ. СОЛОВЬЕВА

РГАЛИ. Ф. 446 (В.С. Соловьев). Оп. 1. Ед. 40.

<Л. 2> Sophie буду ждать тебя сегодня вечером.
Милый приходи непременно. Я не могу жить без тебя ни дня одного
Милый радость моя <1 нрзбр.>
Милый мой жизнь моя не расставайся со мной никогда.

<Л. 2 об.> Я не могу жить без тебя радость ты моя единственная
Милый друг мой все моё Не покидай меня никогда никогда

Мы не должны расставаться Не должны жить друг без друга Я подарю тебе только хорошее
Sophie

<Л. 3> У старых Триумфальных ворот. Д<ом> Рязанова № 30.
Sophie Я буду тебя ждать скоро. Мы будем вместе навсегда. Я больше не хочу оставаться без тебя не могу жить так. Милый мой не обманывайся. Ты никого не должен любить кроме меня. Не думай о других я не хочу этого. Милый друг мой. Жизнь моя радость моя. Желанный мой. Я тоскую без тебя. Не покидай меня. Не оставайся так долго без меня радость моя <Л. 3 об.> единственная. Я буду молиться за тебя. Не обмани меня не думай о других никогда. Я не хочу этого. Sophie

<Л. 4> Sophie Я буду ждать тебя не оставайся в Москве. Милый друг мой я не могу жить без тебя. Я одного тебя люблю. Милый мой дорогой мой друг. Мы должны всегда быть вместе. Я не хочу, чтобы ты был без меня. Не думай о других этого я не могу допустить. Я не хочу быть одной из многих. Мой друг будь добрым не обижай Меня. Не покидай Меня. Sophie

<Л. 4 об.> Sophie Я буду твоя скоро очень скоро. Я не могу жить без тебя. Милый Мой дорогой друг Мой. Милый друг мы должны друг друга любить всей душой. Мы для того созданы. Я не могу быть одна. Я должна жить твоею жизнью. Милый Мой дорогой как я люблю тебя не оставляй Меня одну милый Мой радость Моя вся моя Мудрость требует чтобы мы были одним человеком. Я душой давно твоя нужно всем существом. Sophie

<Л. 6 об.> Je ne veux pas que tu crois que je mourrais⁴²
Я не умру Я не умру Мы будем жить вместе. Я хочу любить тебя. Я хочу иметь с тобою одну жизнь.

<Л. 7 об.> Я не умру. Мы собою Мы с тобою связаны навсегда. Я не могу умереть без тебя. Я живу и умру с тобою вместе. Я твоя навсегда. Мы теперь уже больше не расстанемся. Два дня еще.
Я буду свободна да. Sophie.
Sophie Я давно проснулась и хочу тебя видеть. Приходи. Sophie.

⁴² Я не хочу, чтобы ты думал, что я умру (франц.).

tu unique objet⁵⁰

dein einziges Object und Inhalt deine einzige Idee⁵¹

Ce que tu es c'est moi, je suis ton essence. Tu n'es que mon sujet, mon ὑποκείμενον – la chose sur laquelle j'appuis mes pieds, mon ὑποστάσιον, cela doit être ton ambition supérieure mais je ne veux pas poser mes pieds sur un objet vulgaire c'est pour cela que tu dois travailler et produire de grandes choses. Sophie

Ainsi travaille à devenir grand pour que je daigne te fouler aux pieds. Sophie⁵²

Sophie Je veux que tu aille chez A.T. il faut être toujours aimable. Ce soir tu travailleras à ton article je le veux bien je t'aiderai comme l'autre fois. Au revoir Sophie⁵³

Me crois tu Me crois tu adorable adore moi donc Je suis ton dieu et tu ne dois pas avoir d'autres dieux que moi. Tu ne dois pas penser à qui que ce soit exepté moi Je suis⁵⁴

<Л. 20; на черновике работы о Божестве как единстве> Sophie Я думаю что ты напрасно тревожишься. Я не буду больна. Я останусь жива и здорова Sophie

другом. Я уже здесь, но пока еще очень несовершенным образом. До свидания (13 раз) (франц.).

⁵⁰ Ты единственный объект (франц.).

⁵¹ Вероятно, следовало бы «dein einziges Object und Inhalt deiner einzigen Idee» – твой единственный объект и содержание твоей единственной идеи (нем.).

⁵² Ты есть то, что есть я, ибо я твоя сущность. Ты есть лишь мой субъект, мой ὑποκείμενον <подлежащее – др.-греч.>, то, на что я опираю свои ноги, моя ὑποστάσιον <подставка – др.-греч.>, это должно быть предметом твоих высших стремлений. Но я не хочу возлагать своих ног на вульгарный предмет. Поэтому ты должен работать и создавать великие вещи. София. Итак, становись великим, чтобы ты удостоился быть попраным мной. София (франц.).

⁵³ Софи Я хочу, чтобы ты пошёл к А.Т. Надо всегда быть любезным. Сегодня вечером ты поработаешь над своей статьей, я помогу тебе, как и раньше. До свидания Софи (франц.)

⁵⁴ Веришь ли мне Веришь ли мне любимый люби же меня. Я твой бог и ты не должен иметь иных богов кроме меня. Ты не должен думать ни о ком, кроме меня. Я (франц.)

Sophie Я думаю что ты должен идти к С. Мы увидимся сегодня в Доме по... Милый мой я люблю тебя Мы должны быть вместе. Sophie

<Л. 23–23 об.>⁵⁵ Sophie. Mange un peu plus aujourd'hui. Je ne veux pas que tu t'épuises. Mon chéri. Nous voulons te préparer pour la grande mission que tu dois accomplir. Médite toujours sur les principes. Ne donne pas un accès aux pensées de désespoir, mais chasse aussi l'orgueil et l'ambition.

Dis, as-tu pensé <исбавление> Dis, as-tu pensé à ton camarade suicidé Бибикиков. Sophie. Je t'avais dit que tu dois manger aujourd'hui⁵⁶.

Памфил. Не думай о таких пустяках. Ядый для Бога да яст и не ядый для Бога да не яст⁵⁷.

Что же ты думаешь о небесном обожествленном модусе менералов <sic!>: золото, ртуть, медь, серебро, железо, олово и свинец. 7 духов:

первый Lucifer (Saturnus, свинец)

второй Михаил (Jupiter, олово)

третий Уриил (Mars, железо)

четвертый Гавриил (Luna, серебро)

⁵⁵ Опубликовано: Соловьев С.М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель, 1977. С. 119; Соловьев В.С. ПССиП. С.177–178.

⁵⁶ Софи Поешь сегодня немного побольше. Я не хочу, чтобы ты обессилен. Мой дорогой. Мы хотим подготовить тебя к великой миссии, которую ты должен исполнить. Размышляй все время о началах. Не давай доступа мыслям отчаяния, но прогоняй также гордыню и честолюбие. Скажи, думал ли ты о твоём покончившем с собой друге Бибикикове. Софи. Я уже говорила тебе, что ты должен сегодня поесть (франц.). Бибикиков – одноклассник Соловьева по гимназии. О нем упоминает С.М. Лукьянов: О Вл. Соловьеве в его молодые годы. Материалы к биографии. Кн. 1. Пг: 1917. С. 100–101. Однако, никаких данных о нем, кроме того, что он был из аристократической семьи, Лукьянов не приводит. Просмотр родословной Бибикиковых результатов не дал. Представляется неверным отождествлять погибшего друга Соловьева с переводчиком и писателем П.А. Бибикиковым, как это сделано в именном указателе к переизданию трехтомника Лукьянова (М.: Книга, 1990). В 1875 году кончает самоубийством по невыясненным обстоятельствам другой одноклассник Соловьева по первой московской гимназии сын писателя А.Ф. Писемского Николай.

⁵⁷ Цитата из 1 Послания апостола Павла к Римлянам «Ядый, Господеву яст, благодарит бо Бога: и не ядый, Господеву не яст, и благодарит Бога» (Рим. 14:6). В русском переводе: «Кто ест, для Господа ест, ибо благодарит Бога; и кто не ест, для Господа не ест, и благодарит Бога».

пятый Анаил (Venus, медь)
 шестой Рафаил (Mercurius, ртуть)
 седьмой Шамаил (Sol, золото)

<Л. 24 об.; после заголовка «Общие онтологические начала»>⁵⁸
 Одобряю мнение Сведенборга о ничтожестве *mentis humanae quod in suo prorgio*⁵⁹. Ты должен управляться безусловно влиянием свыше. Мы будем сообщать тебе посредством письма всё, что ты должен делать относительно твоего просвещения светом духовным.
 Я дотронулся до края ангельской одежды. Между мною и тобой <2 нрзбр.> свет небес. Sophie

<Л. 26 об.: на листе с набросками лекции по истории философии>⁶⁰
 Sophie Я думаю, что ты должен непременно ехать в Индию⁶¹. Я думаю, что ты начнешь там свое дело. Я мудрость мой милый Я явно может быть милый мой я люблю тебя бесконечно и для тебя могу отдать все что мне дорого Я может быть поеду с тобою.
 Милый мой Люби меня так как я тебя люблю Sophie

Ф. 446. Оп. 2. Ед. 17.

<Л. 8; на рукописи статьи о душе и теле> Sophie Me voila Je veux que tu donne à mon amour⁶²
 adopt...

⁵⁸ Опубликовано: *Соловьев С.М.* Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. С. 119; *Соловьев В.С.* ПССиП. С. 173.

⁵⁹ Человеческого ума в самом себе (*лат.*)

⁶⁰ Опубликовано: *Котрелев Н.В.* «Благонамеренность не спасает от заблуждений...».

⁶¹ Ср. письмо В.С. к О.А. Новиковой (урожд. Киреевой) от 25 ноября 1875 г. из Каира: «Отправляясь на шесть недель гулять в Фиваидскую пустыню, спешу написать Вам несколько слов, многоуважаемая Ольга Алексеевна, хотя сомневаюсь, застанут ли они Вас в Лондоне.

Я живу здесь две недели, видел все, что можно видеть, но еще ничего для себя важного не понял. Зато нашел лето в ноябре и чувствую себя как нельзя лучше. В феврале или марте отправляюсь в Индию, если будет угодно богам» (*Соловьев В.С.* Письма. Т. IV. Пб.: Время, 1923. С. 162). Можно предположить, что данная автоматическая запись могла быть сделана в этот период. Как известно, поездка в Индию не состоялась, Соловьев прожил зиму в Каире, а в марте перебрался в Италию, в Сорренто.

⁶² Софи Вот и я. Я хочу, чтобы ты отдался моей любви (*франц.*)

Sophie Ne crois pas à mes actions exterieures et à mes paroles. Tout cela n'est que surface Je t'aime Sophie⁶³
 + Sophie Est-ce que tu crois que je puisse agir autrement? Ne suis je pas absolument dependante
 <1 нрзбр.> avis de lui⁶⁴

<Л. 8 об.> Sophie Je veux que tu donne une preuve de ton amour essaye de te das... d'apprendre que⁶⁵ я думаю что ты должен доказать твою любовь я Sophie Je veux que tu aille demain avec moi adieu Sophie⁶⁶
 avant que dor...
 Sophie Je veux que tu aille demain avec moi
 avec moi⁶⁷

<Л. 42; на рукописи статьи об общественном идеале>
 Sophie Ma nouvelle qualité de⁶⁸ у твоих <1 нрзбр.>

<Л. 109–109 об.>⁶⁹

Мы должны узнать, что наступает время, когда вселенная *universum* снова станет *unum*. Теперешний мир есть *unum versum*⁷⁰, или единое извращенное, или вывороченное наизнанку. Отчего все существа страдают и стремятся к лучшему состоянию? Они находятся в ненормальном противоестественном состоянии, что есть противоречие: каждое существо сознает себя как частное и ничтожное условное явление в мире изменений и оно же чувствует себя всем средоточием вселенной? Это противоречие исчезнет только тогда, когда каждое существо, сохраняя свою частную индивидуальность, будет вместе с тем чувствовать в любви и признавать в разуме свое внутреннее действительное, а не отвлеченное только

⁶³ Софи Не верь в мои внешние действия и в мои слова. Это только оболочка. Я люблю тебя. София (*франц.*)

⁶⁴ Софи Не думаешь ли ты что я могу действовать по-другому? Не являюсь ли я абсолютно зависимой <1 нрзбр.> мнения о нем. (*франц.*)

⁶⁵ Софи Я хочу чтобы ты доказал свою любовь постарайся... выучить что (*франц.*)

⁶⁶ Софи Я хочу чтобы ты отправился завтра со мной прощай Софи (*франц.*)

⁶⁷ Софи Я хочу чтобы ты отправился завтра со мной со мной со мной (*франц.*)

⁶⁸ Софи Мое новое качество (*франц.*)

⁶⁹ Опубликовано: *Соловьев В.С.* ПССиП. С. 180–181.

⁷⁰ Универсум, единое, единое опрокинутое (*лат.*)

единство со всеми другими как единичные положения единого существа. А для этого должен исчезнуть обман вещественного внешнего,рывающий связь миров. Настала пора! Человек у вас на земле возвысится надо всяким внешним непосредственно данным природным единством и общением. Все естественные связи порываются, исчезают семья, падает национальность, общество, государство. Предание всякое, вера отцов на словах только, не в умах и сердцах.

<Л. 109 об.> Одиноким стал человек в вашем природном мире, свободен стал ото всех связей его и ближе к нам, ибо наш мир есть свобода. Посему-то в стране крайнего индивидуализма, в стране свободной от иллюзий завязалась новая связь миров. Но свобода от внешних связей только отрицательное условие для совершенства, другое вы народ избранный, люди Божии. Ex Oriente lux. Памфил⁷¹.

Ф. 446. Оп. 2. Ед. 14.

<Л. 31; на наброске об искусстве, бумага с водяным знаком фирмы «Johnson» и изображением Миродержицы>
Sophie Me voila⁷²

Я буду больше думать о тебе чем прежде

Я буду помогать тебе

Мой милый Я твоя Я люблю тебя Прощай до завтра Sophie +

Sophie Je ne veux pas te quitter⁷³ Я буду всегда с тобою Я люблю тебя Милый Я твоя теперь навсегда Sophie +

<Л. 39 об.; на линованном листе почтовой бумаги листе с наброском статьи «Красота в искусстве»>

Sophie Je t'aime toujours de plus en plus⁷⁴ Я люблю тебя. Мы скоро, скоро будем вместе навсегда. Жизнь моя радость моя все мое. +

Ф. 446. Оп. 2. Ед. 2.

<Л.28 об.; на обороте последнего листа наборного экземпляра рукописи вступит. лекции в СПб. ун-те 20 ноября 1880 г. «Исторические дела

⁷¹ С Востока свет (лат.) Памфил – по всей видимости, Памфил Данилович Юркевич (1825–1874), профессор по кафедре философии Московского университета, философ, учитель В.С. Соловьева.

⁷² Софи Вот и я (франц.)

⁷³ Софи Я не хочу тебя покинуть (франц.)

⁷⁴ София. Я по-прежнему люблю тебя все больше и больше (франц.)

философии»; на бумаге с водяными знаками Миродержицы; карандашом>

Sophie Я не хочу чтобы ты думал что я была

[людоуноулиноублад]

любовна к другому Милый мой я никого кроме тебя не люблю Не думай обо мне так Милый дорогой мой я не могла быть иначе я не владею собою Милый мой друг я люблю тебя одного бесконечно Я не могу жить без тебя Мы должны быть вместе непременно Непременно Sophie

Ф. 446. Оп. 2. Ед. 18.

<Л. 38.; на черновике об истине>

Sophie Admire avec quel quelle sagesse a present tu donnes ta [dorp] disp disposition⁷⁵ [a av]

Ф. 446. Оп. 2. Ед. 18.

<Л. 49 об.: на черновике главы «Критики отвлеченных начал» «XXIV. Удел всего философского натурализма...»>

Sophie je veux que tu vienne chez nous⁷⁶. Меня мучит мысль что ты можешь забыть меня. Милый мой я люблю тебя Приезжай Приезжай Sophie Sophie Je ne puis pas dire a egrayrelf

Je ne puis dire aуг...

Sophie Je ne puis mar marcher⁷⁷ Я не могу дойти до Я не могу дойти до тебя умерший является дабы

Я тебя удалила от мудрости Милый < нрзбр.>

<Л. 79; на переводе диалога Платона «Менон»>

Ты должен

яводмотвое

морла

Ты должен мерять явно и

⁷⁵ София. Я люблюсь, с какой мудростью ты проявляешь твоё внимание к... (франц.)

⁷⁶ София. Я хочу, чтобы ты приехал к нам (франц.)

⁷⁷ София. Я не могу идти (франц.)

Ф. 446. Оп. 2. Ед. 24.

<Л. 64 об.: на бумаге с водяными знаками фирмы Stowford Mills и датой 1877>

Sophie. Я буду рада получить от тебя весть Милый мой – как я люблю тебя. Я не могу жить без тебя. Скоро скоро мы будем вместе Не печалься все будет хорошо. Sophie

Автоматические записи в рукописи незавершенного трактата «София»

Ф. 446. Оп. 1. Ед. 19.

<Л. 13 об.; на полях «Третьего диалога», написанного в Каире в феврале 1876 г., карандашом, после следует несколько неразборчивых знаков>⁷⁸
Sophie + Je puis te dire que ta conversion⁷⁹

<Л. 21; на полях «Третьего диалога», написанного в Каире в феврале 1876 г.>⁸⁰

[Crois] Sophie: Je te répons: il n'y a que la terre qui est habitée par le genre humain. Il y a des ébauches d'organisation dans d'autres mondes stellaires, mais point d'organismes capables de devenir le siège des âmes humaines. + Sophie⁸¹

<Л. 42 об.; на обороте листа беспорядочные записи по вертикали и горизонтали, сделанные автоматическим письмом>⁸²

София Я воротилась к тебе, жизнь моя. Я приду к тебе завтра. Je voudrais bien être vivante pour toi⁸³. Sophie.

<Л. 48 об.; рукопись прерывается автоматическим письмом, заключенным в квадратные скобки>⁸⁴

⁷⁸ Опубликовано: Соловьев В.С. ПССиП. С. 106.

⁷⁹ Софи+ Я могу сказать тебе, что твое обращение (франц.)

⁸⁰ Опубликовано: Соловьев В.С. ПССиП. С. 102.

⁸¹ [Верь] Софи: Отвечаю тебе: только земля населена человеческим родом. Начатки организации есть также и в других звездных мирах, но нет организмов, способных стать жилищем человеческих душ. +Софи (франц.)

⁸² Опубликовано: Соловьев В.С. ПССиП. С. 42.

⁸³ Мне хотелось бы стать живой для тебя (франц.).

⁸⁴ Опубликовано: Соловьев В.С. ПССиП. С. 54.

[София + Думай обо мне. Я рожусь <в> апреле <1>878 София +]

<Л. 49 об.; на полях примитивный набросок человеческого лица в профиль и запись автоматическим письмом>⁸⁵

София. Я родилась.

<Л. 58.; запись сделана автоматическим письмом, первая часть дешифруется Соловьевым обычным почерком, в конце пять раз прочитывается слово «Рутть»>⁸⁶

Осборн⁸⁷. Я открою большую тайну. Люди могут господствовать над силами природы, если только они решительно откажутся от всех земных целей. Ты ясно, о друг мой, видишь все, что нужно для этого. Ты должен стараться одолеть Димиурга⁸⁸ в себе, чтобы овладеть силой его вне себя.

<Л. 59 об.; на полях «Второго диалога», написанного в Сорренто в марте 1876 г.; прямые скобки принадлежат автору>⁸⁹

[Comme les trois mondes divins sont un seul organisme, la correspondance entre eux confondus se maintient entre eux séparés. Mais⁹⁰] [я радуюсь, что ты меня достиг]

РО ИРЛИ. Ф. 240 (С.А. Поляков). Оп. 2. Ед. 159.

<Л. 1; в конце черновика с тезисами «Бог есть все»

Sophie Je veux que tu dors. Au revoir à demain Sophie⁹¹

⁸⁵ Опубликовано: Соловьев В.С. ПССиП. С. 56.

⁸⁶ Опубликовано: Соловьев В.С. ПССиП. С. 73.

⁸⁷ Предположительно топоним, резиденция королевы Виктории на о. Уайт близ южного берега Англии.

⁸⁸ Димиург – гностическое божество, сын падшей Софии, гностики представляли его как космократора, сотворившего мир. По нормам транскрипции, бытовавшим в соловьевское время, «Димиург» обозначал гностическое божество, а «демиург» – принадлежащего в древнем мире к сословию ремесленников.

⁸⁹ Опубликовано: Соловьев В.С. ПССиП. С. 116.

⁹⁰ Поскольку три божественных мира являются одним организмом, постольку их взаимоотношение в смешении удерживается и в их разделенном состоянии. Но (франц.)

⁹¹ Софи Хочу, чтобы ты поспал. До завтра Софи (франц.)

<Л. 9–10; на черновике со схемами начал; в конце рукой Соловьева указан адрес: Божедомка, против летнего Эрмитажа, дом Макарова>
 Я должен сказать тебе, что твои планы дщетны <sic!> я добьюсь того, что ты убьешь сам себя Я овладею тобою Да будешь ты проклят чорт
 Louis Sous la table de la chambre à coucher tu trouveras un portemonnaie Louis⁹²

<Л. 19 об.; на конспекте лекции>
 Sophie. Я буду другой раз лучше Прости меня, милый Я люблю тебя все больше Мы скоро скоро сойдемся навсегда Милый мой прости меня Я люблю тебя больше чем третьего дня Мы собою не дорожим Я люблю тебя – Sophie

*Подготовка текста
и публикация А.П. Козырева*

ВЛ. СОЛОВЬЕВ И НИКОЛАЙ ГРОТ: ПАРАДОКСЫ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ

Б.В. МЕЖУЕВ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация: Цель данной статьи – анализ взаимоотношений Владимира Соловьева и руководителя Московского психологического общества, основателя и долгое время редактора/издателя журнала «Вопросы философии и психологии» Николая Яковлевича Грота. Автор выделяет для рассмотрения в первую очередь один аспект их интеллектуального взаимодействия, который приходится на 1895–1897 годы и связан с работой Вл. Соловьева над своим капитальным трудом «Оправдание добра», некоторые главы которого публиковались в журнале Грота. В одной из этих статей «Аскетическое начало в нравственности» Вл. Соловьев высказывает мысль о возможности распространения закона сохранения энергии на психический мир. Автор делает предположение, что, возможно, эту мысль Вл. Соловьев взял из трудов Н.Я. Грота 1880-х годов. Сам Н.Я. Грот вновь возвращается к своей старой гипотезе и строит на ее основе концепцию «психоэнергии», которую он развивает в серии своих поздних статей уже под непосредственным влиянием своего товарища и ближайшего единомышленника.

Ключевые слова: психоэнергия, закон сохранения энергий, аскетизм, нравственная философия, психический деятель, монодуализм, экспериментальная психология.

Не претендуя на выяснение всех аспектов взаимоотношений Вл. Соловьева с создателем и первым редактором «Вопросов философии и психологии» (далее – ВФиП) Н.Я. Гротом, мы рискнем в рамках данного текста сосредоточиться только на одной теме – на возможном взаимодействии двух мыслителей в 1895 году в период написания Вл. Соловьевым отдельных глав его будущего сочинения по нравственной философии, многие из которых публиковались именно в журнале Н.Я. Грота. Но из этого очень и очень конкретного сюжета, который автор этих строк подробно проследил в рамках изучения творческой истории «Оправдания добра», можно сделать не совсем тривиальный вывод – из всех деятелей московского идеализма конца XIX века ближе всех к Вл. Соловьеву 1890-х стоял по своим воззрениям именно Грот. От философского ми-

⁹² Людовик Ты найдешь кошелек в спальне под столом Людовик (франц.)